

Харлан Эллисон

Гитлер рисовал розы

Харлан Эллисон

Гитлер рисовал розы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156713

Аннотация

Двери в Ад открылись точно 13 августа, почти за десять до осеннего равноденствия. Врата приоткрылись всего на одно короткое мгновение, но кое-кому удалось сбежать. Одной из сбежавших была неприметная женщина по имени Маргарет Трашвуд, которая несправедливо попала в Ад, и теперь хотела попытаться понять почему, и восстановить справедливость.

Но и после смерти, как и в жизни, никогда нет и не было справедливости...

Содержание

Харлан Эллисон

4

Харлан Эллисон

Гитлер рисовал розы

Двери в Ад открылись точно 13 августа, почти за десять дней до начала осеннего равноденствия. Однако это несоответствие не имело принципиального значения. Для тех, кому известно о переходе с юлианского календаря на григорианский в 1582 году, в том, что событие это произошло на десять дней раньше, не было ничего странного. Когда обжигающее солнце прошло небесный экватор, направляясь с севера на юг, возникло множество знамений: в Дорсете, недалеко от маленького городка Бландфорд, родился теленок с двумя головами; недалеко от Марианских островов поднялись на поверхность затонувшие корабли; повсюду глаза детей превратились в мудрые глаза стариков; над индийским штатом Махараштра облака приняли форму воюющих армий; ядовитый мох мгновенно вырос на южной стороне кельтских мегалитов и тут же погиб всего за несколько минут; в Греции лепестки левкоев стали истекать кровью, а земля вокруг хрупких стеблей начала издавать запах гниения. Иными словами, явились все шестнадцать предвестников несчастья, как раз в том виде, как их классифицировал в первом веке до Рождества Христова Юлий Цезарь, включая рассыпанную соль и пролитое вино – люди чихали, спотыкались, стулья скрипе-

ли... В общем, все эти признаки одновременно и несомненно предсказали грядущие катаклизмы. Над Маори возникло южное полярное сияние; баски видели, как по улице одного из городов пробежала рогатая лошадь. И так далее.

Врата в Преисподнюю отворились.

Всего на одно короткое мгновение. Они приоткрылись благодаря вселенскому туману макрокосмоса, и кое-кому удалось сбежать.

Бежал Джек Потрошитель. Ускользнул Калигула. Шарлотта Кордей, руки которой все еще были в крови Марата, тоже не упустила своего шанса. Эдвард Тич с торчащей в разные стороны бородой, на которой обгорели и потеряли цвет ленточки, отвратительно хихикая, сумел удрать из Преисподней. Берк и Хейр¹, которые стали неразлучными друзьями в этом Гнусном Месте, удрали вместе. Было замечено бегство Каина. Цезарь и Лукреция Борджиа, отталкивая друг друга, старались побыстрее протиснуться в приоткрывшиеся врата, и сестре удалось обрести свободу снова творить зло, оставив далеко позади своего слабохарактерного брата. Джордж Армстронг Кастер² стрелой промчался на полыхающем пламенем призрачном коне, длинные, светлые волосы окутывали его голову огненным сиянием, а следом неслись

¹ Уильям Берк и Уильям Хейр крали тела только что захороненных покойников для продажи их медицинским школам, а затем и сами стали убивать. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Американский генерал, прославившийся своей жестокостью в обращении с индейцами.

гончие псы. И еще многим другим удалось сбежать.

Гитлер оказался прямо возле врат и тоже мог улизнуть, но не сделал этого. Здесь ему удалось обрести дом; он тратил все свое время, рисуя розы на стенах Преисподней, и не мог расстаться со своими шедеврами. Врата закрылись; все стало, как прежде.

А когда они затворялись, в мегапотоке возник странный вихрь, который затянул все обреченные души назад. Лишь Маргарет Трашвуд сумела остаться незамеченной. Этого просто не могло быть (потому что в Преисподней ведется очень точный и своевременный учет), однако никто не обратил внимания на ее отсутствие; и все вернулось на круги своя.

Маргарет Трашвуд, недавно попавшая в Преисподнюю, вернулась в мир.

В 1935 году в Даунивилле произошло массовое убийство.

В городке был особняк, который горожане прозвали Восьмиугольным Домом за его форму. Дом построила для себя семья Рэмсдейл. Они занимались разработкой полезных ископаемых, а когда жила в руднике истощилась, стали фермерами и начали разводить скот. Богатые, дружелюбные, интересующиеся делами своих соседей, которым они нередко помогали во времена Великой Депрессии, – их любили и уважали в Даунивилле.

Убийство в Восьмиугольном Доме потрясло и возмутило богобоязненных горожан.

Маргарет Трашвуд, экономка, тридцати одного года, была единственной, кому удалось остаться в живых во время этой бойни. Ее нашли полуголой, измазанной в крови, всю в слезах – она сидела, скорчившись, в углу столовой, где находились тела шести Рэмсдейлов, трое из которых были детьми. Горожане выволокли ее из дома и утопили в ближайшем колодце. В 1935 году линчевание было самым обычным делом.

В пятницу, 13-го, в день, когда задули ледяные ветры, а реки потекли вспять, обожженная и опустошенная тень Маргарет Трашвуд вернулась в Даунивилл.

Генри «Док» Томас там больше не жил. Он умер в 1961 году.

Тлеющий пепел, бывший когда-то призраком Маргарет Трашвуд, не задержался в Даунивилле; как Мидгард³ она не заставила тень Генри «Дока» Томаса долго себя ждать. Она продолжала поиски; и, когда поняла, что его там нет, издала такой тоскливый стон, что все дети, во всем городе, одновременно заплакали.

Маргарет решила искать дальше. Его не было в аду... Она обязательно встретила бы его там и свела счеты. Совершенно невозможно, чтобы вопреки всякой логике, бросая вызов всеобщей вере в то, что Вселенная балансирует между добром и злом, справедливостью и несправедливостью, про-

³ Мидгард (из скандинавской мифологии) – змей, который лежит, обернувшись вокруг нашего мира, зажав в зубах свой хвост, обреченный убивать до того момента, пока его самого не убьет Тор в Рагнароке.

должая оставаться кристально чистой, не может быть, чтобы Генри Томас попал в Рай.

Сбежав из Гнусного Места, Маргарет Трашвуд заползла в Рай, чтобы отыскать там человека, лишившего ее невинности.

Когда она добралась до Рая, спускались сумерки. Благословенные души двигались медленно и торжественно. Рай – это большой город, раскрашенный в пастельные тона и страдающий от перенаселения. Лица жителей показались Маргарет напряженными, однако отовсюду доносился тихий смех. Здесь было гораздо холоднее, чем в Преисподней, и в небе не летали птицы. Только стрекотали сверчки.

Маргарет Трашвуд несколько раз спросила, как ей его найти, и в конце концов оказалась на большой площади, где бассейн с бледно-золотой водой тихонько перешептывался с надвигающейся ночью. На самом краю бассейна, опустив ноги в воду, сидел Генри Томас.

Она подошла к нему сзади, и ее руки сами собой сжались в кулаки. Ей было больно: руки страшно обгорели. Она испытывала невыносимое желание ударить его.

Маргарет попыталась что-то сказать и поняла, что не может. Она не знала, что явилось тому причиной: переполнявшие ее чувства или то, что в Преисподней ей не приходилось ни с кем разговаривать (если, конечно, не считать крики разговорами). Ведь прошло столько времени...

Она сделала новую попытку и сумела произнести его имя:

– Док.

Он задрожал, но продолжал смотреть прямо перед собой. Маргарет снова позвала его. Тогда Док медленно повернул голову и взглянул на нее. А когда их глаза встретились, он заплакал.

Воспоминания о том вечере наполнили это мгновение.

Она опустилась на колени рядом с ним и заглянула ему в лицо. Оно было на двадцать шесть лет старше, чем лицо человека, которого Маргарет любила в 1935 году. Прекрасные черты, точно налет пыли, искажала мука. Он не брился. Может быть, здесь это и не требовалось, или он умер небритым. Интересно, подумала она, как он умер? Но мысль эта быстро исчезла, словно ее унес легкий ветерок. Ей так хотелось взять лицо Дока в свои обожженные руки и снова почувствовать тепло, которое излучало его тело... Невозможно. Слишком много времени прошло, а то, что она пережила в Аду, разделяло их так же точно, как и этот вечер.

Он плакал.

И с тоской смотрел на нее. Потому что находился в ее власти. Он прошептал ее имя, затем еще раз. Она услышала его, повторенное вот так, два раза, и сердце забыло о ненависти. Маргарет наклонилась и прижала свое покрытое пеплом лицо к плечу Дока, оставив на белой коже черные следы. Она тихонько что-то говорила – так мать успокаивает испуганного ребенка. Впрочем, и сама она дрожала. Она никогда не видела его таким. В последний раз они встречались тогда,

ночью, когда он...

Границы Рая начали сдвигаться.

Маргарет заглянула за плечо Дока. Небо Рая потемнело, стало приобретать какие-то грязные оттенки. Однажды, в 1934 году, она видела, как дом потерял цвет. Солнечные лучи и сырость быстро разделялись с красками, сделанными на основе льняного масла. Дождь в конце концов добирался до них, и, не жалея сил, чистил и мыл дома, пока не оставалось то, что рабочие называют «побелкой». Краски исчезали. Так часто случалось в 1934 и в 1935 годах.

Земля задрожала. Бледно-золотая вода в бассейне заволновалась, метнулась налево, потом направо, начала переливаться через края.

Воздух потеплел. Маргарет показалось, что она услышала птичий крик, но в небе по-прежнему не было видно ни одной птицы – нигде. Только само райское небо продолжало медленно, медленно истекать красками.

Маргарет вцепилась в Дока, она держалась за него изо всех сил.

Серебряный свет, который лился неизвестно откуда и освещал райские кущи, вдруг стал тускнеть; пустое пространство вокруг площади заполнили страшные черные тени.

Маргарет еще сильнее прижалась к телу Дока, совсем как тогда, той ночью. В своей комнатке, одной из тех, что были отведены слугам в задней части Восьмиугольного Дома.

Комната. Она видела ее так ясно, воспоминания были такими свежими, словно... когда? Бесчисленное множество лет прошло, или только вчера, в 1935 году... Маргарет вытащили из дома, веревкой связали ноги возле щиколоток, а один из мужчин сильно ударил ее кулаком в висок; потом ее прижали лицом к кирпичной кладке колодца, а через некоторое время подняли, потрясенную, извивающуюся, отчаянно рыдающую, обнаженную, стыдящуюся своей наготы... И швырнули в колодец головой вперед, прямо в темноту, вниз, вниз, вниз... и так до самого Гнусного Места – когда это произошло? Всего день реального времени назад, или сорок, пятьдесят, сто лет... Когда тебя поджаривают, ты горишь, горишь... всегда горишь?

Маргарет прекрасно помнила ту комнату, уютную, маленькую – в доме Рэмсдейлов. Она поселилась там, когда приехала из Окснарда, где работала на доктора Пулни. Теперь Маргарет собиралась служить в этом доме. Чтобы попасть к ней, нужно было пройти большую кухню, где посередине стоял стол для разделки мяса, на стенах висели сковородки с медными доньшками, пахло свежевывмытой клеенкой на обеденном столе, в печи горел огонь – Рэмсдейлы так и не завели газовой плиты. Дальше вы оказывались в кладовой – большой, в человеческий рост, в углу которой винтовая лестница вела на второй и третий этажи, где располагались спальни всех членов семьи и комната мистера Рэмсдейла, так что он мог тихонько встать посреди ночи и спустить-

ся вниз, чтобы чего-нибудь перехватить. И тут вы замечали дверь в комнату Маргарет...

Когда она поступила в этот дом экономкой, ей исполнилось двадцать семь лет. Ей прекрасно платили. Под винтовой лестницей, уходящей наверх, в спальню хозяина дома, который иногда, глубокой ночью, спускался вниз, чтобы перекусить, и находилась ее уютная, аккуратная и совсем крошечная комнатка.

Небо продолжало истекать красками, земля дрожала, Рай начал погружаться во мрак, а благословенные души устремились в разные стороны, пытаясь спастись от невыносимого, нарастающего жара; Маргарет Трашвуд прижималась к телу рыдающего Дока Томаса совсем как тогда, в тот вечер.

– А ты разве не хочешь узнать, откуда берутся мои сны?

Он посмотрел на нее, и на его лице появилась улыбка, хотя он и старался изо всех сил ее сдержать.

– А зачем мне знать, откуда они берутся?

– Потому что необходимо быть уверенным, что сны живут где-то совсем близко. В том месте, что дорого тебе. Иначе какой от них толк, тогда они ничем не будут отличаться от желания получить побольше денег, или земли, или еще каких-нибудь других глупостей, вроде целой бочки икры, которую ты мог бы есть, пока не лопнешь.

– Ну хорошо, скажи мне, где же обитают твои мечты.

Маргарет села на кровати в своей малюсенькой комнатке, расположенной в задней части дома, под лестницей, ведущей

из большой кладовой наверх, в комнаты хозяев. На ней была сорочка и шелковые чулки. Они с Доком только что занимались любовью, и на ее коже кое-где виднелись розовые пятна, там, где Док прижимался к ней слишком сильно; отметины на груди и руках говорили об их страсти; на теле даже красовалось несколько следов от укусов – Маргарет позволила Доку сделать это, хотя и понимала, что кто-нибудь может обратить внимание на следы преступной любви.

– Мне часто снится моя мать. Она была из Бирмингема, это в Англии. Я ведь тебе рассказывала, помнишь?

Он улыбнулся ей так же, как улыбался ребенку, который утром принес ему птичку колибри со сломанным крылом.

– Да, ты мне говорила.

– Я знаю. Иди сюда, обними меня, я расскажу тебе еще.

Док снова скользнул в постель и лег рядом с Маргарет. Прижал ее к себе; длинные каштановые волосы, которые она распустила, когда он пришел, прекрасные волосы, доходившие Маргарет до самых коленей, словно мягкое покрывало, окутали его обнаженное тело. Она положила голову ему на грудь, и ему стало казаться, что ее голос доносится откуда-то издалека.

– Моя мать всегда работала; я просто не могу припомнить времени, когда бы она не работала. Отец умер, когда я была совсем маленькой. Так мне сказала мать.

– Только ты ей не поверила, – тихо проговорил Док.

Маргарет резко села и удивленно на него посмотрела.

– О Господи, Док, как ты догадался?

Он жестом показал, чтобы она снова легла, а потом вдруг закашлялся. Он был болен – небольшая простуда; но кашель показался Маргарет ужасно громким.

Она испугалась, упала на него и прижала ладонь к его рту.

– Тише! Они обедают. Считают, что я отдыхаю. Они не должны узнать, что ты здесь... Док, почему ты пришел так рано?

– Я не мог больше ждать. – Слова были едва различимы, Маргарет по-прежнему зажимала ему рот рукой. Он поцеловал прижатую к губам ладонь.

– Ты не должен. Больше никогда этого не делай. Приходи попозже. Очень, очень поздно, Док. – Затем она немного помолчала, словно над чем-то раздумывая, и добавила: – Только, пожалуйста, не слишком поздно ночью.

Он не успел спросить ее почему.

– На самом деле мой отец сбежал. И тогда мать сэкономила и отправилась за ним в Нью-Йорк. Ей надоело ждать денег, которые он обещал прислать ей на проезд. Он что-то там делал с мебелью. Ну так вот, она работала, собрала денег на билет и поехала к нему, не предупредив заранее о своем приезде – мне кажется, потому, что хотела поймать его с той девицей.

И он, конечно же, с ней жил. А потом он сбежал, оставив их обеих. Мама с ней подружилась; это моя тетя Сэлли.

Док приподнял сорочку, рука мягко прикоснулась к ноге

Маргарет. Она попыталась оттолкнуть его, но рука не сдавалась.

– О! – только и проговорила Маргарет, словно все происходило в первый раз, а когда Док навалился на нее своим телом, повторила: – О!..

Дверь открылась. Тихо.

Маргарет услышала тихий шорох пустой картонной коробки, которую она поставила возле самой двери. Она всегда так делала. Каждую ночь. Чтобы знать, что к ней пришли гости, ночью, когда все спят. Очень, очень поздно ночью мистер Рэмсдейл спускался вниз, чтобы что-нибудь перехватить. Что-нибудь.

Она заглянула через плечо Дока – он стоял и смотрел.

И не стал им мешать.

Он наблюдал, пока Док не застонал, спрятав лицо в подушку; а потом, когда Док чуть приподнялся, чтобы посмотреть на нее и убедиться, что и ей тоже было хорошо, он заметил взгляд Маргарет, которая смотрела куда-то ему за спину. И повернулся. Только тогда мистер Рэмсдейл заговорил:

– Я не потерплю шлюху в моем доме. Вы должны собрать свои вещи и оставить нас еще прежде, чем мы закончим обедать.

Затем он резко развернулся, оставив дверь в комнату открытой, и ушел, чуть пригнув голову под лестницей, которая вела наверх. Он был высоким мужчиной.

Док, опираясь руками по обе стороны от полуобнаженно-

го тела Маргарет, внимательно на нее посмотрел.

– Моя мать погибла во время пожара в 1911 году, – продолжала она так, словно их никто не перебивал, словно они не занимались только что любовью, словно их никто не поймал на месте преступления, словно мистер Рэмсдейл не смотрел на них горящими глазами разгневанного Бога, словно ей не было приказано немедленно покинуть эту комнату. – Она всегда работала. Вот откуда берутся мои сны. – И тут Маргарет заплакала.

Генри Томас оторвался от ее тела и встал с постели. Посмотрел сверху вниз. Затем бросил взгляд на открытую дверь и картонную коробку. Ему всегда было интересно, зачем она там стоит. Коробка была недостаточно тяжелой или прочной, чтобы помешать кому-нибудь войти в комнату. Его мучило любопытство, потому что он не понимал, зачем Маргарет ставит коробку у двери. Теперь он знал, почему она просила его не приходить слишком поздно ночью.

Маргарет показалось, что в одно-единственное мгновение Док вдруг как-то весь сжался. Стал меньше. На самом деле он тоже был высоким человеком – очень полезный, хороший рост для ветеринара, которому приходится утешать маленьких детей, приходящих к нему с птичкой колибри, у которой сломано крыло, или со щенком, или с котом, лишившимся в драке одного глаза. Но он сжался. Увял. Ушел в себя, издавая тоскливые, печальные звуки, разрывавшие ей сердце.

А потом он взбесился.

Вцепившись в ее длинные каштановые волосы, Док стащил Маргарет с кровати и швырнул сквозь открытую дверь с такой силой, что она покатила по скользкому линолеуму кладовой. Затем он бросился за ней, неожиданно снова стал большим, словно распух от яда, и протащил ее за волосы в кухню. Маргарет попыталась перевернуться и увидела, как он схватил со стены нож для разделки мяса.

И вот они уже в столовой. Док что-то кричал о воровстве и ценностях, которые были украдены, о растлении и еще какие-то безумные вещи, которые были лишены смысла, и пролилась кровь. Его рука поднималась и опускалась так быстро, что было невозможно за ней уследить – кровь заливала стены, скатерть, а на хрустальных призмах низко висевшей люстры появились густые пятна ужасного цвета. И еще были крики.

Потом она поняла, что осталась одна, что лежит в крови, полуобнаженная, ей тридцать один год, и она единственная осталась в живых в Восьмиугольном Доме.

А вскоре пришли соседи и сбросили ее в колодец.

Лава наполнила райский бассейн. Она сочилась сквозь дно, и золотистая вода превращалась в пар.

Теперь она бурлила, зеленая и черная, и алая, гнвно-алая, под грохочущей беспокойной поверхностью земли.

Маргарет Трашвуд прижалась к Генри Томасу и почувствовала, как одинаково дрожат их тела.

– Почему ты не убил меня? – спросила она так тихо, что

он с трудом разобрал слова за грохотом беснующейся лавы.

А затем она заставила его встать и заметила, что, хотя его обнаженные ноги и были погружены в бассейн, в лаву, им ничего не делалось. В Преисподней ее не раз посылали в бассейны, наполненные лавой. Они были совсем другими. Может, именно в этом и состояло главное различие между Раем и Адом.

Маргарет подвела Дока к одной из стен, выкрашенных в пастельные тона; впрочем, сейчас на ее гладкой поверхности начали появляться похожие на молнии разрывы. В тяжелом воздухе повисло напряжение.

А потом их посетил Бог, и какими бы грустными или забавными, или мудрыми ни были легенды о нем, Бог в Своем многообразии никогда не отличался веселым нравом. Господь подошел к Маргарет Трашвуд и к дрожащей тени, которая когда-то была Генри «Доком» Томасом, и сказал:

– Ты здесь чужая. Ты не можешь остаться.

– Я не вернусь, – заявила Маргарет Трашвуд, смело обращаясь к Нему, она никогда и ни с кем так не разговаривала, ни в жизни, ни в смерти – Маргарет вела себя с Ним, точно Он вовсе и не был Богом, она держалась очень отважно. – Это ошибка. Я не сделала ничего плохого. Это он виноват, он совершил преступление, а потом убежал, у меня даже не было шанса оправдаться. Вам должно быть все известно! Вы же ведете учет, не так ли?

Но Бог настаивал на своем, величественно указывая Мар-

гарет Трашвуд на тот путь, по которому она вползла в Рай.

– Отправьте его туда, – сказала она, а потом спохватилась: – Нет, нет, я не это хотела сказать. Пусть он остается. Он там не сможет.

Бог уже тянул ее за руку.

– Да ладно, ладно! Не тащите меня, я и сама умею ходить, благодарю вас.

Тогда Господь отпустил ее, и она попросила Его:

– Дайте мне одну минутку.

И Бог стал нетерпеливо ждать, потому что Рай с каждой минутой уменьшался.

Маргарет взяла лицо Генри Томаса в руки, заглянула ему в глаза и вдруг поняла, что он стал ниже, а она выше, совсем как в ту ночь. Она наклонилась к нему и прошептала:

– Они ведь неправильно сделали. Док, они ошиблись. И собираются оставить все как есть только потому, что остальные в это верят. Они не хотят знать правду, Док. Им так проще. Если достаточное количество людей станет верить фантазиям, тогда они превратятся в реальность. Но мы знаем, Док. Мы-то с тобой знаем, где чье место, не правда ли?

Она нежно поцеловала его, погладила по щеке и покачала головой, удивляясь всеобщей глупости; потом Маргарет бросила взгляд на Бога, и Он раздраженно и нетерпеливо посмотрел на нее.

– Некоторым людям просто нельзя играть с любовью, – сказала она Господу. – Он вел себя неразумно. Разве мистер

Рэмсдейл имел какое-нибудь значение? Разве что-нибудь вообще имело значение?

И тогда Бог увел ее назад, в сторону Гнусного Места. Когда они подошли к воротам, Бог постучал, и через некоторое время они открылись, выпустив наружу облако отвратительной вони.

– Дальше я и сама дойду, – сказала Маргарет Трашвуд и гордо выпрямилась. Она переступила порог, но в тот самый момент, когда дверь начала закрываться, она повернулась к Богу и сказала: – Когда увидите мистера Рэмсдейла, передайте ему от меня привет.

И, царственно задрвав подбородок, вошла внутрь. Врата снова закрылись.

Когда Маргарет Трашвуд заползала в малиновый мрак. Бог успел заметить невысокую тень, стоявшую возле самых ворот. Она была обнажена и продолжала тлеть, держа в руках палитру и кисть.

Стены Преисподней, рядом с воротами, украшала фреска с изображением таких невыносимо прекрасных роз, что на них было больно смотреть, и Господь поспешил назад, чтобы отыскать Микеланджело и поведать ему о великолепном зрелище, представшем Его глазам в самом неподходящем месте.